

Латып, К. П. Хузангай говорил мне : «Мы – только поэты»

Чуваши Педер Хузангай еще до моего рождения жил, учился, работал и писал стихи в Казани, где я живу и работаю более сорока пяти лет. Для молодого поэта Педера Хузангай в двадцатые годы Казань (Хусан) был самым родным городом. Здесь студент Казанского восточного педагогического института Педер Хузангай впервые услышал имя Иакинфа-Бичурина Никиты Яковлевича, историка, этнографа. Всемирный известный востоковед Иакинф был дружен с великим русским поэтом А. С. Пушкиным.

В те годы в Казани жил и работал доктор исторических наук, профессор Николай Васильевич Никольский (1878 - 1961). Выдающийся ученый в Казани написал научные труды «Народное образование у чуваш» (1906), «Краткий конспект по этнографии чуваш», «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в 16 - 18 веках. Исторический очерк» (1912). В Казани он составил «Русско-чувашский словарь» (1906).

Имя Н. В. Никольского связано с первой чувашской газетой «Хыпар» («Вести»), первый номер которой вышел 8 января 1906 года. До июня 1906 года редактором-издателем газеты был преподаватель Н. В. Никольский, ближайшими сотрудниками - бывшие ученики Симбирской чувашской школы поэт Таэр Тимки, Ефим Трофимов и Василий Волков. Все - воспитанники Ивана Яковлевича Яковлева (1848 - 1930), который окончил Казанский императорский университет. Воспитанник, а затем преподаватель Симбирской учительской школы Никифор Михайлович Охотников (1860 - 1892) также окончил Казанский университет.

Из уст Педера Хузангай я услышал имя доктора-тюрколога - профессора Николая Ивановича Ашмарина (1870 - 1933), который сочетал педагогическую работу в Казани с изысканиями в области чувашской лингвистики. В 1958 году Хузангай известил меня о завершении издания «Словаря чувашского языка» в 17 томах. Хузангай склонял голову перед

великим тюркологом, об этом он мне говорил неоднократно. Поэт был очень рад, что в его домашней библиотеке - все тома «Словаря» Ашмарина.

В казанских типографиях напечатаны первые номера чувашских газет «Канаш» и «Чух □ нсевасси» («Голос бедноты»).

Чувашское драматическое искусство тоже родилось в Казани. 27 января 1918 года чувашские артисты-любители поставили переведенную на чувашский язык пьесу А. Н. Островского «Не так живи, как хочется». Основателями чувашского национального театра являются И. С. Максимов-Кошкинский и П. Н. Осипов (тогда они были в Казани гимназистами). Именно Хузангай познакомил меня с П. Н. Осиповым, сказал: «Кави-дустым, у нас с тобой односторонний талант, мы - только поэты. А у Петра Николаевича восемь граней таланта: актер, музыкант, драматург, переводчик, преподаватель, киноартист, врач-хирург».

— Это у одного человека?! - сказал я с удивлением.

— Именно так, дустым, мой дорогой тезка, если захотел бы, смог бы стать и фокусником. Ведь мы - чувашаи и загадочные, и сказочные... Кави-дустым, пока молодой, занимайся изучением земляков. Знаешь ли ты, что Василий Иванович Чапаев в юные годы увлекался скоморошеством?

— Он же русский!

— А неродная, вторая бабушка Прасковья, была чувашкой. И Сеспель Мишши был в Казани, он, как делегат первого съезда чувашской секции Российского коммунистического союза молодежи, принял активное участие в этом важном мероприятии. Когда он находился в Казани, возник пожар, сгорело здание Ревтрибунала в Чебоксарах, поэта срочно вызвали и предъявили ему обвинение... в поджоге.

— То есть как?

— Якобы он дал задание сторожу поджечь. Сеспель оказался без вины виноватым, его арестовали и отправили в Чебоксарскую тюрьму. Поэт оказался в безвыходном положении. После выхода на свободу, прожив на воле недолго, добровольно ушел из жизни.

— А как Талвир оказался в Казани?

— Я думаю, что Алексей Филиппович сам виноват. Наверное, это по его личной воле временная ссылка.

— Мы его приняли хорошо, дали квартиру. Он недалеко от меня со своей семьей живет. У него свой сад, но я редко однако своего земляка-батыревца посещаю. Алексей пичче меня зимними яблоками угощает. Сын растет, жена работает главным врачом поликлиники текстильного комбината. Русская, окончила медицинский институт в Саратове в те годы, когда я учился там же в военном училище. Кажется, она приходила в наш клуб танцевать. Ведь наше училище от университета - в ста шагах. В Казани проживают чувашские писатели Тихон Педерки, Константин Петров. Педерки написал повесть об Иване Яковлеве - «Кушка ачи». Я ее читал на чувашском языке, прекрасная повесть. Я посещаю чувашскую секцию, хотя пишу на родном, татарском. Секцией руководит очеркист Василий Юдин.

— Когда я учился в Казани, посещал секцию татарских писателей, - сказал Хузангай. - Дружил с молодыми татарскими поэтами Хади Такташем, Адель Кутуем, Хасан Туфаном. С благословения друга Такташа взял псевдоним Хузангай. А первому сыну Такташа я дал имя Аван, что означает по-чувашски «хороший». Когда так неожиданно ушел из жизни мой голубоглазый любимый друг Хади, ему посвятил стихотворение. В поэзии Такташ достиг вершины, а в семейной, личной жизни Такташ был несчастлив. А сколько было у него врагов. Я и сейчас плачу, вспоминая незабвенного друга. Внимательно смотри в мои глаза - там слезы по Такташу. Есть ли у тебя, Кави, такой утерянный друг?

— Есть.

- Кто?

— Сеспель, хотя я его никогда не видел. Но его трагическая судьба меня молнией ударила...

Мои слова были искренними. Написав предисловие к переведенным на татарский язык стихам Сеспеля, в 1964 году я их опубликовал в журнале

«Казан утлары» («Совет эдэбияты»). Так через переводы впервые татарский читатель ознакомился со стихами Сеспеля. Узнал о его жизненном и творческом пути. Скептики не верили, что у чуваш есть такой пламенный поэт.

Встречи с Педером Хузангаем продолжались в Казани, Чебоксарах, в Москве, мы с ним бывали в Тетюшах (Татарстане), в Батыреве, Канаше, Шемурше. В Тетюшах установили мемориальную доску в честь Сеспеля, где он работал следователем. Как сегодня помню, из Казани по Волге плыли на «Ракете». Большой знаток и переводчик стихов Сеспеля Хузангай неустанно рассказывал мне о творчестве и любви Сеспеля. Некоторые письма Сеспеля, которые он написал Анастасии Петровне Червяковой, Хузангай помнил наизусть. С вдохновением прочел последнюю строфу из стихотворения поэта «Пашня нового дня». Я сообщил Хузангаю, что эти строки стали эпиграфом моей повести «Он нашел звезду» о Андрияне Николаеве.

— Напиши поэму о Сеспеле, - сказал он. - В ноябре 1969 года мы будем отмечать его семидесятилетие. Приезжай, я тебя познакомлю с матерью поэта Агафий аппа, с Бекшанским, любимым другом Сеспеля.

В середине ноября 1969 года, по приглашению Союза писателей Чувашии, я приехал в Чебоксары на семидесятилетие Сеспеля. Хузангай был очень обрадован, когда увидел меня. Вот мы с ним сидим в президиуме и слушаем выступающих по этому торжественному поводу. Сразу же после выступления московского поэта Виктора Бокова ведущий собрания предоставил слово мне. Весь зал слушал меня стоя. Я говорил о Сеспеле очень горячо. С вдохновением прочитал свое стихотворение на чувашском языке, посвященное поэту. Затем преподнес матери Сеспеля свой сборник стихов «Сеспель» на татарском языке и красочную книгу «Татарские орнаменты». Она, меня обнимая, плакала. После собрания подошел ко мне Хузангай и крепко пожал мою руку, сказав: «Зур рэхмэт, Кави дустым!» («Большое спасибо, мой друг Кави!»). Здесь он меня познакомил с П. Бекшанским.

Утром мы, гости из Казани, Киева, Москвы, Уфы, Ижевска и чувашские писатели, поехали в родные места, где родился и учился Сеспель. Были в Шугурове (Казанкасы) и Шихазанах. Моим сопровождающим был Хузангай. В Шихазанах состоялся митинг. Хузангай выступил первым, за ним - я, Бекшанский, В. Боков (Москва), П. Чичканов (Киев), Ю. Гарай (Уфа), Т. Архипов (Ижевск). Хузангай подарил мне книгу стихов Сеспеля «Хурчакшанч» жна чувашском с автографами гостей и чувашских поэтов. Эта книга для меня очень дорога, здесь автографы П. Бекшанского, И. Кузнецова, С. Шавлы, Н. Дедушкина, В. Ухли, М. Кибека, Г. Орлова, А. Волгина, Хв. Уяра, Ю. Гараева, П. Чичканова... Конечно, и самого Хузангая.

Вечером в честь гостей был организован официальный ужин. За столом среди гостей сидели мать Сеспеля Агафи аппа, П. Хузангай, рядом с ним - я. С бокалом вина мы - гости и чувашские поэты - поднимали тост за здоровье матери Сеспеля, за бессмертную поэзию поэта, за чувашскую поэзию. Хузангай тоже произнес слово, держа в правой руке полный бокал вина.

После ужина я с Хузангаем распрощался и обнял его... Тогдашний секретарь Чувашского обкома КПСС И. Прокопьев дал свою машину проводить меня до Канаша. Была темная ночь. Я всю дорогу думал о моем друге Педере Хузангае... Первый раз я с ним встретился, когда он с другими чувашскими поэтами приезжал в Казань. Был организован в Доме ученых вечер чувашской поэзии. Я с ним познакомился, мы дали друг другу адреса. Прошло немного времени, и в составе делегации татарских писателей я оказался в Чебоксарах, к нам присоединились наши артисты, в их числе - выдающийся татарский певец Рашид Вагапов. С певцом мы были в гостях у Хузангая, И. Кузнецова, Н. Ильбека, С. Эльгера. Хузангай угощал нас болгарским вином. Говорил, что на днях приехал из Болгарии. Познакомил с женой, В. К. Кузьминой. Сыну Атнеру тогда было девять лет. Хузангай с нами был и у С. В. Эльгера, Н. Ильбека, И. Кузнецова, слушал татарские песни в исполнении Рашида Вагапова. Позднее пластинки с татарскими песнями, которые виртуозно исполнял наш певец, я привез в Чебоксары,

чтобы подарить их Хузангаю. Но Педер пичче попросил меня их вручить в руки матери Ильбека, некрещенной чувашке, я так и сделал... В середине марта 1966 года я с Хузангаем встретился в родных местах, где я родился, вырос, учился. В Батыреве проходила неделя татарской и чувашской поэзии. После встречи с любителями поэзии целую ночь в гостинице провели вместе, в эту ночь он подарил мне свою книжку «Великое сердце» с автографом. Летом 1969 года я приехал к Хузангаю в Дом творчества писателей, в Кувшинку, с целью показать ему рукопись сборника стихов, подготовленного для «Советского писателя». Поэт стихи одобрил. Это для меня было как напутственное слово... Вот и сейчас нахожусь в машине, а сам думаю о Хузангае. Он ждет от меня поэму о Сеспеле. Обязательно напишу, мой чувашский наставник и учитель, и назову ее «Бессмертный подснежник», пусть будет бессмертна чувашская поэзия. А как приеду в Казань, переведу твои стихи, мой дорогой Хузангай. Правда, я их перевел немало, об этом ты и сам знаешь...

Печальную, очень печальную весть о смерти Педера Хузангая я услышал, находясь в Москве, в «Советском издательстве», куда привез рукопись сборника «Краски в жизни», в который была включена и поэма о Сеспеле «Бессмертный подснежник». В те дни Москва мне показался городом траура. Сдав рукопись, я уехал в Казань и перевел на татарский язык песни Хузангая. Я очень хотел, чтобы песни поэта пели народные артисты Татарстана Зиля Сунгатуллина, Хайдар Бигичев. Не спели, эти ноты до сих пор находятся у них. И вот пришло время рынка. Песня - душа поэта, а она не продается. Она бессмертна, как бессмертен сам народ.

Самый красивый чуваш в мире Педер Хузангай заморозил меня своим бессмертным обликом. Этот живой облик всегда перед моими глазами, как и бюст Сеспеля на моем столе.